

Елена

Муцшева



БЫЛИ СТЕНЫ, БУДУТ И ОКНА

НАДЁЖНЫЕ БЫЛИ СТЕНЫ

Невзрачный мужичок бесцеремонно обстукивал каждый угол её квартиры. Манана ступала за ним мягко, неловко поглаживая стены. Мужичок на все её попытки заговорить отмалчивался, иногда невнятно бурча что-то вроде «посмотрим». Лет пять назад она бы такого и на порог не пустила: не то жулик, не то похуже! О «похуже» Манана старалась не думать, но дверь на лестничную площадку оставила приоткрытой. Самую малость. Так, чтобы этот ханыга не заметил, но всё же достаточно, чтобы соседи услышали её крик. Если что.

Каха угрюмо помалкивал. Раньше всегда открывал он, не глядя. От вида его хмурого лица, особенно после вчерашнего застолья с земляками, любой бандюга сам пожалел бы, что пришёл. А земляков у них хватало, и застолья бывали каждую неделю, как на целый квартал – как когда-то накрывала её мама, наутро разнося по соседям-старикам те блюда, до которых дело уже не дошло.

Манана, конечно, здесь, в Москве, по старикам не ходила, но всегда во время подготовки к торжествам оставляла соседям долмы да сациви. Каха всё равно потом дня два толком не ел, а соседи, хоть поначалу и косились на странную грузинку с ароматными блюдами на весь подъезд, со временем привыкли, оттаяли и даже сами начали угощать. Зато с такими отношениями и спокойнее было: всегда знаешь, к кому обратиться за помощью, если Каха в отъезде...

Теперь у Кахи другое жилище – под молодой берёзкой. Часа полтора езды. И последние два года Манана никому не открывает. У дочери свой ключ. А остальные... Остальные Манане не нужны.

– Ой, а чего это у вас открыто? Манана Георгиевна, ау! Пришёл уже? А я мчалась к вам, на той квартире задержали.

Вот и Регина. Сто слов в секунду, не угнаться. Но сразу спокойнее, можно и помолчать. Всё-таки её работа: абы кого в дом не водить. Да и общаться сама должна с клиентами. Она же риэлтор.

– Здравствуй, Региночка! Вот, уже показываю.

– Молодцы, что без меня начали! Отличненько. Здравствуйте, Василий. Это вы со мной по телефону общались. Ну как вам? Уже осмотрелись? Прекрасная квартира, правда? Сейчас поэтажник дам, там все метры. Стены какие несущие, уже поняли? У нас тут никаких перепланировок, всё, как положено!



У Мананы отлегло. Скорость речи Регины космическая, сразу видно – профессионал! Так уметь общаться с людьми, расположить к себе. Уверенная, умная, всё знает, ко всякому подход найдёт.

Конечно, уверенная! Столько денег берет, будешь уверенной с таким золотым запасом.

А что я могу? До неё никто не хотел братья! Я же тебе говорила. Слишком нереальная сделка: и опека, и альтернатива, и ипотека, и выписаться некуда, они все хором твердили: «за такие деньги» не выйдет разъехаться. А вот Региночка взялась.

Лентяи. Никто работать не хочет. Да и эта тоже третий месяц водит людей и водит, а пока кукиш с маслом, а не сделка.

Да, она много, конечно, берёт, но что уж. Жалко, конечно, таких денег, а выбора нет.

Куда она их деваает, если так с каждой сделки? Это ж, наверное, у самой несколько квартир да машин.

Чужое не считают, говорю тебе. Хотя на эти деньги можно было б внучку на море свозить...

– Здесь обои тоже новые, хорошие обои, плотные. С тиснением. Потолки, вот, видите, какие.

Манана машинально перечисляла всё то, что когда-то было её гордостью. Во время гражданской войны, поздней осенью девяносто третьего, они бежали из Кутаиси с маленькой дочерью на руках. Каха решил сразу перевозить семью в Москву, там, мол, в беде не бросят, и точно не стреляют. Ох, всякого они и в Москве насмотрелись... Но такой войны и правда не было. Мыкались по дальним родственникам и знакомым, благо своих у грузин не бросают. Да и Каха всегда был работающим. Кое-как обустроились на съёмном жилье. Манана в садик пошла нянечкой. А через несколько лет, как там окончательно улеглось, продали оба дома, сколько ни плакали о них на пару, но всё же страшно вернуться туда, где когда-то ребёнка, укутанного одеялами, под пулями выносили и молились, чтобы пронесло.

Ладно тебе вспоминать, прошло уже, справились. Лучшую жизнь ей дали.

На те деньги удалось внести часть за квартиру, крошечную хрущёвку, но зато в Москве. Остальное друзья в долг дали. Купили квартиру дёшево, у какой-то бездетной старушки. Она на выручку с продажи уехала жить к сестре в маленький городок и говорила, что хватит теперь до самой смерти.

В Мышкин уехала. Конечно, до самой смерти. Пока переезд ей устроил, чуть сам не помер! Сделал всё, как договаривались. Ведь до слез переживала, что чужие погрузят плохо, перебьют все, а по дороге и разворуют. Сутки не спал, ехал следом за грузовиком, на всех остановках замки перепроверял, но все довёз, разгрузил. Каждый сервиз распаковал, расставил. С любовью делал, с пониманием, как дорого своё-то...

Они сами ничего своего вывезти не успели. Когда воротились после войны проверять, всё у них было разграблено, вынесено. А сколько добра имелось от прапрабабок, ещё в войну сбережённого, спрятанного, с таким трудом сохранённого... Только стены пожалели.

– Стены выравнивали хорошо, мы сами с мастерами стояли – контролировали. Люстры вот, – Манана замерла, глядя на сверкающие подвески. – Вот, в коридоре три, одинаковые. Хрустальные. Мы оставляем. Нужны вам? Люстры.

Мужик мрачно взглянул на люстры.

– Пойдёт.

Пойдёт, говорит! Значит, берёт, не пропадут! Значит, хороши они, слышишь? А то ведь дочь отказалась, свой вкусы. А мне... куда мне теперь в однушку эти три. Там и коридора-то нет, одно название – прихожая. Туда ведь ничего не заберёшь. Всё как через воронку пропихнуть пытаешься, да никак. А здесь хоть людям, а не на помойку. Помнишь, как мы их аж из Гусь-Хрустального тащили? Уж очень мне в коридор приглянулись.

Ещё бы! Все смеялся над тобой: вот женщина, три комнаты ей мало, ещё в коридоре три лампы повесь!

Смеялся-смеялся, но ведь купил и повесил.

Куда ж от тебя денешься-то! Раз чего в голову вбила!

Так ведь и коридор здесь королевский, простор какой! Дышится легко. Внуков бы здесь растить... Вот им бы дома на первых ходунках топотать да на роликах учиться.

Дочка-то, пока по друзьям да съёмным комнатам ютились, уже вырасти успела, когда в хрущёвку переехали, ей двенадцать исполнилось. А до того всё по тесным углам... А помнишь наше детство в садах с виноградниками? А бесконечные прятки?

Ага, поди проверь каждый сарай да дерево, пока ещё сыщешь всех пацанов. А казаки-разбойники, помнишь? А как лазили по горам, а потом, бывало, получали от отцов.

В Москве-то не до прогулок ей было... попробуй, отпусти дочь одну гулять! Девяностые. Да и куда: площадки все голые, карусели ржавые перевёрнутые.

Ладно тебе, не до детей стране было. Зато, видишь, десять лет прошло, дали вон какую квартиру вместо хрущёвки! Загляденье. И о чём вы только думаете: разменивать такое добро! Женщины, гиблое дело.

– Так, кухню посмотрели, а вот здесь из коридора ещё одна лоджия, смотрите, прелесть, а? – продолжала болтать Регина

– Мм-м. Нормально. Раскладушка влезает?

– Ну, если жена на балкон выгнала, то, конечно, можно и раскладушку впихнуть! – Регина кокетливо засмеялась.

Невзрачный молчал.

– Лоджия неотапливаемая. Летом, конечно, можно, ну да вы сами посмотрите, может, утеплите. В наше время всё можно, были бы деньги. А у вас, кстати, свободные деньги или альтернатива?

– Что?

– Оплата какая: деньги у вас на руках?

– А что?

– Это чтобы понимать, как сделку оформлять. Когда деньги на руках, это свободная сделка. А если вы в процессе продажи другой квартиры и на эти деньги будете брать, то это совсем другое, дольше по времени и оформлению.

– Разберёмся.

– Да, конечно, разберёмся, просто нужно знать заранее. Я же все бумаги подготовить должна. Вы на себя оформлять будете?

– Посмотрим.

– Ну вы смотрите.

Невзрачный вдруг уставился на Манану. Она, смутившись, защёлкнула медальон с фотографией Кахи и ответила стеснительной улыбкой. Невзрачный хмыкнул и двинулся дальше.

Манана попыталась утешить себя мыслями, что у него наверняка большая семья, раз берёт такую квартиру. И здесь, в её... в их стенах, будет... будут семейные чаепития, пусть и чужой, но детский крик, смех, радость, тепло. Будет пахнуть свежей выпечкой, будут смотреть добрые фильмы, будут санки и самокаты на лоджии, а в коридоре несколько пар разноразмерных тапочек. Тогда не так печально прощаться с этой частью её жизни.

– Внизу там консьержка что ли? – неожиданно просипел мужичок.

– Да, их у нас две, посменно. – Манана попробовала разглядеть в мужичке серьёзного отца семейства. – За всем следят, никого не пропускают, про каждую квартиру всё знают.

– Это плохо.

– Почему же плохо?

– На съём беру. Тут человек четырнадцать их впахнуть, а то и больше. Мне чужие глаза не нужны.

– Как же это сюда столько поселить?! – Манана изумлённо оглядела свои ещё стены. Четырнадцать пар замызганных тапочек запахи в коридоре...

– Таджиков-то? – ухмыльнулся невзрачный. – Разберёмся.

«ДЕТСКАЯ НАМ НЕ НУЖНА»

Господи, она когда-нибудь замолкнет?! Пять лестничных пролётов, и уже застрелиться можно. Хуже только консультантши в Л'Этуале. Хоть бы их этике обучали, что ли. Вчера с поезда и – вперёд, покорять Москву. Ни словарного запаса, ни произношения, ни культуры взаимодействия с людьми. Только бы бабки, бабки грести – одна цель. Побольше со всех содрать за свой трёп. Как будто без её слов мы квартиру не разглядим. А с хозяев, небось, процентов пять берёт за свои услуги, если покруче не облапошила. Куда она их только деваает... Уж явно не на стилиста, судя по шмоткам. Наверное, себе уже не одну хату отхватила на таких раззявах.

Что ж, посмотрим... Бог мой, великий Рафаэль, это ж надо впахнуть в коридор три хрустальные люстры! То есть высокий потолок это не повод для простора, а возможность ещё сверху подвесить свой хлам? Страшно представить, чем ещё удивят эти хоромы. Ну-ка, где там ваши балдахины и алмазные бубенцы... А, вот и золотишко: обои с золотом, карнизы с золотым кантом, светодиоды, розетки позолоченные... а ковёр чой-то без золота, а? Недоработочка.

– У вас прям дворец Людовика Четырнадцатого.

Манана расплывается в улыбке:

– Да, мы всё тут сами выбирали, каждый угол с любовью. Тут вот и шторы, видите какие, бордовые с золотыми журавлями, – она раздвигает тяжёлую портьеру, поглощающую солнечный свет.

– О, пап, прям как в вашей цитадели.

Ева оборачивается на отца, выразительно закатив глаза. Отец понимающе улыбается в ответ и интеллигентно продолжает расспросы, оберегая посторонних от язвительности дочери. Ева к этой его привычке относится с иронией. Сам виноват, какая выросла.

– А вы где работаете, Андрей Валерьевич? В какой области? – подаёт голос неугомонная Регина.

Оу-оу, ты давай тут, держи дистанцию, безграничная наша. Ты из какой области приехала, лучше скажи.

– Папа – директор, Регина. И у него очень мало времени. Так что давайте двигаться дальше и задавать вопросы по делу.

– В литературной сфере, – негромко пытается смягчить отец, как будто извиняясь за столь отдалённую от материального мира профессию.

Эх, папа, думаешь, знает она тебя или твой институт? Или книги твои? Она ж просто ищет, о чем потрындет. Назови ты свою фамилию – через полчаса забудет. Зачем ей литература, искусство? Ей продать-купить, неважно что, главное впарить. Пусть и безвкусицу подобную... А тут ведь потрудиться придётся изрядно, чтобы выветрить: энергетика не ахти, ещё потерять себя можно, а сейчас не до этого. Сейчас запереться в мастерской и писать, писать, не отрываясь, пока время есть. А придётся сначала всё это перекраивать, планировать, очищать. До выставки год. Год! Ей уже тридцать один, после выставки тридцать два. Значит «молодым художником» с грантами, премиями, поездками остаётся побыть всего три года. Дальше уже совсем другой разговор, не то что слоны – такие мамонты преградят ей дорогу; взрослые игры пойдут. Ни папина поддержка не поможет, ни итальянский диплом. Если до той границы о себе не заявить, там уже пропадёшь, затеряешься среди сотен неплохих и тысяч перспективных художников. Раньше бы, раньше начать! Нет ведь, оттрубила для папки на филолога почти три года, хорошо хоть тогда бросила – и в Италию, а то повелась бы на его уговоры «довести до конца» и ещё два года потеряла бы. Неужели я казалась тебе такой бестолковой, что ты думал, только твоими связями смогу в жизни зарабатывать? Или на детях гениев природа отдыхает?

– Вот тут детскую можно. Тут удобно и подальше от родительской спальни.

Манана открывает дверь во вторую комнату. Пустая, без мебели, с толстым цветастым ковром, она как будто замерла на вдохе. Еве хочется одним резким движением содрать эти тяжёлые обои, шторы, золотые плинтусы, скорее освободить эти бедные стены, замурованные в убогие футляры безвкусицы. Для неё обнажённость скандинавского стиля, его свобода и естественность в разы счастливей и легче этих тугих бумажных упаковок с декоративной мишурой.

– Вы с собой это всё заберёте или как?

Манана растерянно обводит комнату взглядом.

– Да вроде мы всё забрали...

– Я имею в виду оставшееся: шторы, карнизы, бра, люстры, ковёр этот... – уже хочет сказать какой «этот», но притормаживает. – Грузчики тоже стоят денег, всё это из каждой комнаты вытаскивать и ещё наверняка отдельный мусорный контейнер заказывать, сейчас же нельзя выбрасывать строительный мусор просто так.

Регина с отцом Евы остались в коридоре, и Манана беспомощно ищет глазами их защиты.

Ну вот. Ещё давай прослезись тут. Нечего. Взрослые люди. Сюсюкать с тобой твои дети будут. Господи, ну жаль мне тебя, жаль! Не барахло твоё немыслимое, а тебя, которой привил ведь кто-то такую трепетную нежность к убогому мещанству. Небось, дочь потому и разменивает такие просторы на замкадьё, что и жить здесь душно, и сказать боится, чтоб не обидеть. И только хуже делает! Правду надо.

Больно, и что ж, зато честно. Я когда матери про отца всё выложила, мне тоже больно было, а ей ещё больше. Да лучше так, чем делать вид, что играю в слепоглухонемую. Эти их вековые роли: она с кастрюлями и шорами, он с одиночеством и бабами. Ах, у них же дети, они ведь всё ради них! А дети, предполагается, тупые: не видят её слез на кухне, его подарков дорогих с этим невозможным взглядом вселенской вины.

– Как тебе, солнышко? Ощущаешь, что вписываешься сюда? – отец подходит как будто не слышит её мысли. А ведь он и не может их слышать, что это она, размечталась. Возвращаемся, свою лирику оставим до терапевтического сеанса в среду. Сейчас квартира. Квартира... Надо брать, пока папа предлагает. Ещё пару лет, и уже брат заявит о желании отделиться. Что ж.

– Да, можно попробовать. Здесь мастерскую. Стену сломать, объединить пространство с лоджией, а её сделать стеклянной целиком до пола, чтобы света больше. И потолок в ней стеклянный, раз сверху балконов нет, небо писать с натуры.

– А, вы художник! – Манана счастлива, каким интересным людям достанется её квартира. Не то что утренний замызганный мужичок. – Да, тут очень светлая комната. Тогда детскую можно сделать в той, третьей, подальше.

Серьёзно? Детскую, значит, впихнуть мне хочешь! Чтобы, как ты, на пенсии доживать в коморке за мкадом, заваленной несметными твоими сервизами и шкапулками? Раз в месяц получать скучающих внуков на выходные, дабы совсем не забыли бабушку? Один живот, потом второй. Бессонные ночи, грязные пелёнки, болячки, ясли, школа, первая любовь. Их первая любовь. И уже никогда не твоя.

Твои чувства оставить где-то ночными слезами в ванной, чтобы никто не догадался.

Твои мечты спрятать на задворках бессознательного, чтобы только по американским мелодрамам вздыхать.

Твою молодость задушить колпаком, потолком с нависающими тремя люстрами.

Твоё тело украсить растяжками, синими вздутыми венами, мозолями, которые твои же дети замечают с болью: как сдала мама...

Если бы не это ваше материнство, отец до сих пор любил бы мать, женщину в ней видел. Письма его случайно нашла, в роддом. И не представишь, чтобы он мог такие слова сказать! За всю свою жизнь не знала его таким нежным, как в тех письмах, хотя мне, как первенцу, ещё удалось застать их счастливые лица, когда приходили вдвоём с его приёмов и премий. Младшим уже и того не досталось. Для них от влюблённой пары остались просто двое: мама и папа.

Папина жизнь, она дальше: ввысь, вглубь, вширь! Проза и критика, институт и академия, премии и поездки, он жюри и модератор, он номинант и лауреат, он эксперт и руководитель. А мама... У неё потолок – она мать, а выше уже никак: там чужая квартира, не твоя жизнь, граница нависает. С хрустальными люстрами.

– Детская нам не нужна.

БУДУТ ОКНА БЕЗ РЕШЁТОК

Окна запотевают, обдув стёкол не работает, а их и не открыть – дождь, благо машина, а не своим ходом. А Юра сейчас, наверное, прилип дома носом к стеклу и водит пальцем, что-то мурлыча.

Вот, кажется, и нашлись покупатели. Провести бы ещё эту сделку: альтернативная продажа с опекой... Если получится, то после комиссии, наконец, с хозяйкой рассчитаюсь. Ах, нет, сначала Наташе. Нехорошо ей всё время частями платить. Надо за месяц. А хозяйке можно и половину. И отложить бы в этом месяце хотя бы тысяч двадцать, а лучше двадцать пять. В прошлом-то всего десять отложила из-за кровати для Юрочки. Но без такой кровати никак нельзя было, хоть и цены кусаются: заказ индивидуальный, на такой рост с перегородками не делают, только ужасные медицинские, как в больницах. А эта – деревянная, экологичная, специально для него собранная. Теперь он будет спать, перестанет падать и плакать ночью.

Регина машинально крутит руль свой подержанной, почти уже выкупленной китайской машины и думает о Юре. Скоро она приедет в их съёмную квартирку, снимет с себя роль риэлтора, наденет другие: мамы, тьютора, дефектолога, массажиста, повара... С поваром всё сложнее и сложнее. Как она дальше будет обеспечивать сыну нормальную еду, если теперь он и зелёное не ест? Только красное да белое... В коррекционном центре скажут, что опять похудел, что надо таблетки. Она, конечно, не захочет, они будут ворчать, давить.

Ничего, справимся, мой родной. Всё по чуть-чуть. Сейчас бы на первый взнос накопить, ещё полгода потерпи, и сможем. А там уж... Там уже, когда своё жильё, не придётся тебя под контролем неусыпным держать. Там я сама всю квартиру сделаю так, что ты сможешь лазить, ходить, открывать. Все сделаю по рекомендациям. Подоконники будут широкие, чтобы в твои любимые окна смотреть и смотреть. И окна безопасные, уже присмотрела прозрачные перегородки, не как тут – решётки, а чтобы ты всё мог видеть и не плакать. Комнату тебе сделаю со шведской стенкой. Хозяйка, конечно, не добрая женщина, так и не дала установить. Знает ведь, что Юрочке надо. Стены свои бережёт. А я ведь гарантировала всё потом заклеить, но нет же. Бог ей судья. А мы сами справимся. Сделаем тебе детскую самую волшебную, твоими комиксами всю обклеим. Будешь сам, как человек-паук, лазить. И краны с таймерами, чтобы уж точно больше никого не залить. И главное – плиту... безопасную. Хоть ты к ней и не подходишь больше...

Наверное, всю жизнь Регина будет помнить день выписки после двух недель в больнице: то материнское бесконечное счастье, что едет с Юрой домой, что всё закончилось благополучно. В ту ночь она не отойдёт от его кровати, будет на него смотреть и шептать, как любит, какой он молодец, со всем справился. И только наутро осознает, заметит, что он замолчал. Что он не говорит, а только мычит или какие-то звуки издаёт. В больнице ей было не до того. Да и что хотеть от ребёнка с ожогами: конечно, он стонет да мычит, плохо спит и отказывается от еды... А потом понеслось. Аутизм? Как это? Это же Юрочка, он же такой смыслённый, он же лопотал прекрасно! Ему же не мозг повредило, а кожу, это же не связано, так же не может быть... Она станет искать новых врачей, но диагноз будет подтверждаться.

Где-то справа отчётливо слышен стук. Регина прислушивается в надежде на дождь, но нет, увы, стучит под капотом. Совсем некстати. Денег на это нет, так что уж не подводи, старушка. Без машины сейчас никак. Юрочку возить на занятия на Кошенкин Луг, в бассейн, на скалодром. Машина для неё не блажь. На такси она разорится. А автобус... Эти люди, глядящие в упор, цыкающие. Юрины мычания, от переполняющих эмоций всё более громкие, то лизнёт стекло, то кресло обню-

хают. А они так и смотрят, то на него, то на неё. Хорошо ещё, если только смотрят, а то ведь «сочувствующих» хватает, которые всё поучают да комментируют. У них в Мензелинске за спиной наверняка шушукались, потому как и не слышал никто про аутизм. Поначалу в местной поликлинике говорили – задержка развития. Но ведь всё равно не осуждали, всегда с пониманием как-то и на улице, и на площадке. А здесь Москва, они сюда и перебрались за тем, чтобы реабилитацию проходить, потому как светила, значит, и народ образованный должен быть, современный знающий, толерантный... А все косятся бессовестно, осуждающе.

Регина идёт к дому, машинально разговаривая сама с собой. Когда Юра замолчал, они вдвоём начали постепенно погружаться в пугающую тишину. Только в Казани наконец ему поставили верный диагноз. Специалисты начали списками выдавать рекомендации. И главная на тот момент – говорить с Юрочкой, много, часто, эмоционально. Чтобы постоянно слышал речь, учился реагировать, слышал слова: вдруг пробьётся и его распавшийся навык. И Регина заговорила, без умолку, постоянно. Надеюсь, что снова услышит его лопотание. А когда Юрочки не было, говорила сама с собой, чтобы только не слышать эту тишину, не касаться её, не утонуть в ней.

Регина поднимается по лестнице. В подъезде о стекло бьётся бабочка. Некрасивая, вроде капустницы, блёклая. Не открываются окна, только наверху дыра, но туда не достать. А она всё ищет-ищет...

– Ку-ку, я дома!

– Здравствуйте, Регина! – Наташа, как всегда, запыхавшаяся, улыбчивая. – А у нас для вас сюрприз! – Наташа держит Юру за руку, Юра крутится, поигрывая пальцами, что-то мурлычет.

– Какие вы молодцы, спасибо! Где он?

– Юра потом вам покажет, да, Юра? – Наташа подмигнула Юре, показав пальцем на маму, а затем на её фотографию. – Сюрприз для ма-мы.

Юра переводит глаза с Наташи на маму и улыбается, несколько раз быстро тряхнув головой.

– Замечательно! Буду ждать! Как он сегодня?

– Сегодня дождь, вы же знаете. Отвлекается больше обычного, от окна не оторвать. Но мы стараемся, работаем. Вот привезут вам кинетическое одеяло, будет вообще отлично, почувствуете динамику обязательно.

– Ох, чуть не забыла про них! Счёт-то им не оплатила, хорошо, ты напомнила. Вот, кстати, Наташа, за позапрошлую неделю. За прошлую отдам буквально на днях, хорошо? Ты уж извини, что частями, работа у меня такая, нестабильная.

– Ничего, я понимаю, – Наташа улыбается и, не пересчитывая, убирает деньги в карман. – Вы, главное, занятия в центре не пропускайте. Для аутистов системность – главное лекарство.

– Стараюсь, Наташенька, как могу, стараюсь. Но когда сделки, там уж не от меня зависит, от нотариусов и банков. Как видишь, всё, что советуешь купить, всё покупаю Юрочке. Я тебе очень доверяю.

Регина мельком видит своё отражение в зеркале и смущается. Хорошо бы купить хотя бы один недорогой костюм. Все-таки надо прилично выглядеть на показах. Давно присмотрела на сайте тот тёмно-синий. Последний раз покупала себе одежду прошлой осенью... Нет, сейчас надо Юрочке кинетическое одеяло. Костюм пока подождёт.

– Мне надо вас предупредить...

Наташа медленно натягивает свой плащ, Юра, воспользовавшись моментом, убегает в комнату. Слышно, как он трёт пальцами по оконному стеклу.

– Я скоро не смогу у вас работать.

– Как?

– Я уезжаю.

– Наташенька, ты что?! Как же мы без тебя? Ты же такой специалист! Юрочка только тебя так слушает! Где же мы такого тьютора найдем?

– Не переживайте, время ещё есть: больше полугода. Я поищу вам обязательно, да и в центре их много.

– У тебя что-то случилось, да? Что-то срочное?

– Да нет, – улыбается Наташа. – Я выиграла грант на обучение. В Австралии.

– В Австралии? А зачем так далеко? Разве в Москве не лучшее образование?

Наташа улыбается смущённо.

– Это программа социализации таких детей, как Юра. Она рассчитана на то, что их можно со временем селить отдельно от родителей, обучать простым профессиям, давать работу. Увы, у нас в Москве такого нет. Пока много исследований в плане реабилитации, но будущее для них не строят...

Будущее... Регина смотрит на Наташу, не понимая, про какое будущее она говорит. Её будущее – суметь взять ипотеку, чтобы платить деньги не за аренду, а за своё жильё, в котором она устроит всё для безопасности и развития сына. И ещё купить собаку. Говорят, собаки очень помогают таким детям. Дальше этого она и не думала. Расскажет ли когда-нибудь Юра ей о том, как прошёл его день? Отведёт ли она его когда-нибудь в школу? Сможет ли он сам сходить в магазин за хлебом?

С того момента, как они уехали из Мензелинска, она всегда приободряла себя мыслью о том, что всё это делает для Юриного будущего. Но какое оно – туда заглядывать было некогда. И вот Наташа говорит о том, что где-то в Австралии, а может, ещё где, такие, как Юрочка, могут работать и жить, как все... И там мама такого же мальчика знает, что о её сыне позаботятся, когда её не станет, а не за-сунут в психоневрологический интернат... То есть Москва – ещё не финиш.

Наташа спускается по лестнице. За подъездным окном где-то под навесом ругаются воробьи. Возле мусоропровода на полу сидит белая бабочка. В тусклом свете её крылышки кажутся прозрачными. Сидит, замерла. Наташа медленно подходит и аккуратно берёт бабочку двумя пальцами за крылышки. Выносит из подъезда, сажает под куст. Наташа смотрит на московский дождь и улыбается, представляя, что там, на третьем этаже...

Регина вымоет руки, переоденется, подойдёт к Юре, постоит с ним, глядя в окно. Будет рассказывать ему про свой день, наблюдая за жизнью промокшего двора. Она перечислит всё, что должно было быть в распорядке дел Юры, поцелует его, пойдёт готовить ему очередной красный суп или белую кашу. А Юра будет смотреть, как затихает дождь. Потом повернётся к ней и невнятно повторит то, что сегодня впервые смог отчётливо сказать несколько раз, глядя на семейное фото: «Мама».

